

Издательский дом «Плутон»

Журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

УДК 378.001

II Международная научная конференция
«Человекознание»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ISSN 2500-1159

17 сентября 2016

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ»

17 сентября 2016 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISSN 2500-1159

Кемерово УДК 378.001. Сборник статей студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам II Международной научной конференции «Человекознание», 17 сентября 2016 г. / Редкол.:

П.И. Никитин (глав. редактор)

О.В. Шмакова (редактор, рецензор)

Т.С. Хоботкова (редактор, рецензор)

Л.Г. Шутько (редактор, рецензор)

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Кемерово 2016

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Оглавление

1. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....4
Гречухина А.П.
2. ИНОСТРАННОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ВАРИАНТОВ ТЕКСТА ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА»)6
Волкова Л.А.
3. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....8
Громова А.В.
4. НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ МЕСТОИМЕНИЙ.11
Никифорова А.И.

Гречухина Анна Павловна

Аспирант института аспирантуры и докторантуры ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: kca-ann92@mail.ru

УДК 372.4

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Роль образования в развитии людей - истинное богатство нации, и образование позволяет им жить здоровой, счастливой и продуктивной жизнью. Существует широко распространенное мнение, опираясь на результаты научных исследований, что образование повышает способность людей принимать обдуманные решения, быть лучше родителей, самостоятельно обеспечивая себя средствами к существованию, внедрять новые технологии, справляться с потрясениями и быть ответственными гражданами и эффективными управленцами природными ресурсами. Учитывая, что глобальный экономический рост остается вялым, несмотря на знаки восстановления после недавнего экономического кризиса, нехватка “правильных” навыков в рабочей силе приобрела новую актуальность во всем мире. Молодые люди, которые являются особенно уязвимыми для увольнения, переживают трудное время, не находя новых рабочих мест, - их уровень безработицы почти в три раза выше, чем среди взрослых.

Становление ребенка начинается в семье, но продолжается в заведениях, где ему прививаются навыки общения, первые ступени образования. Поэтому нельзя недооценивать, насколько важно именно начальное образование. Учиться в университете и получать в нем знания в определенной узкой сфере будет гораздо проще, обладая хорошим фундаментом. Так вот, именно начальное образование служит таким фундаментом.

Начальное образование имеет свои характерные особенности, резко отличающие его от последующих этапов образования. Во-первых, это первоначальное формирование учебно-познавательной деятельности детей и, в частности, познавательной мотивации. Во-вторых, это становление самосознания и самооценки ребенка как субъекта новой для него деятельности. В-третьих, это особое значение начального образования как базы всего последующего обучения применительно ко всем образовательным областям. В-четвертых, в начальной школе закладываются основы обобщенного и целостного представления о мире, человеке, его творческой деятельности. [1,23]

Начальное образование предполагает формирование и развитие в ходе образовательного процесса личностных качеств обучающегося, его внутреннюю мотивацию к обучению, а также развитие общей культуры, понимание ценностно-нравственного значения образования, воспитания ответственности за свое обучение.

Преодолеть трудности, возникающие при организации урока, построенного с учетом этих требований к образованию, помогает модель смешанного обучения «blended leaning», и в частности педагогическая модель «перевернутый класс». Изучая теоретический материал дома по видео ресурсу, ученик приходит в класс, чтобы выяснить непонятные вопросы, которые остались после домашней подготовки и закрепить пройденное. От того, насколько ответственно ученик будет выполнять домашнее задание, будет зависеть его успешность на уроке. Подобная форма организации урока позволит привлечь учеников к реальной деятельности на уроке, переходя к активной форме обучения, т.е. решению проблемных задач, выполнению практического задания.

Педагогическая модель «перевернутый класс», как часть стратегии развития образования, прививает желание и умение учиться, формирует готовность к образованию в основном звене школы и самообразованию в последствии. Осознанное принятие жизненных ценностей (в частности ценности собственного образования) и регуляция своего поведения в соответствии с ними, готовят ребенка к активному взаимодействию с окружающим миром. Начальное образование прививает инициативность, самостоятельность, навыки сотрудничества в разных видах деятельности; (эмоциональной, интеллектуальной, коммуникативной, деловой и др.). [2,104]

Таким образом, содержание начального образования, выполняя одну из важнейших функций — формирование готовности к дальнейшему образованию и самообразованию, может рассматриваться как пропедевтическое по отношению к содержанию образования.

На микроуровне образование приносит наибольшие выгоды в странах, переживающих быстрые технологические и экономические изменения, потому что оно дает возможность приобретать необходимые навыки и умения в течение всей жизни, а также способность адаптироваться к новым технологиям. Преимущества развития образования выходят далеко за рамки повышения производительности труда и включают в себя повышенную способность принимать новые технологии и справиться с экономическими потрясениями.

Правильное государственное вмешательство в сферу образования создает возможности для достижения успеха в производительности, занятости и сокращении бедности. Инвестирование в образование должно является ключевым пунктом повестки дня в восстановлении мира от последствий экономического кризиса.

Список использованной литературы.

1. Болотов В.А., Ефремова Н.Ф. Системы оценки качества образования. - М.: Логос. Университетская книга, 2012. - 192 с.
2. Янова М.Г., Игнатова В.В. Формирование организационно-педагогической культуры будущего учителя. - Красноярск, КГПУ, 2011. - 250 с.

УДК 811.161

**ИНОСТРАННОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК НОСИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ
СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ВАРИАНТОВ ТЕКСТА ПОВЕСТИ
Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА»)**

В своей книге «Непереводимое в переводе» исследователи С. Влахов и С. Флорин выделяют несколько групп элементов, перевод которых часто вызывает определенные трудности у переводчика, в частности из-за наличия культурно-национальной составляющей содержания. К таким элементам болгарские ученые относят и «иноязычные вкрапления».

Русские писатели XVIII – XIX вв. довольно часто прибегали к иностранным заимствованиям в своих книгах для того, чтобы придать своему произведению особый колорит или для характеристики своих персонажей. Мы обращаемся к данной категории слов в нашей работе именно потому, что в повести «Вечер накануне Ивана Купала» такие вкрапления играют немаловажно роль в придании произведению украинского колорита.

С. Влахов и С. Флорин отмечают, что «в мировой литературе наблюдается в основном два подхода в отношении иноязычных вкраплений в подлиннике: 1) автор вводит их без пояснений, рассчитывая, по-видимому, на контекстуальное осмысление и подготовку читателя, или же, считая их элементами колорита, атмосферы, для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, иной раз даже мешающее, т.е. важна форма, а не вложенная в нее информация, и 2) автор тем или иным путем доводит до читателя их значение» [Влахов, Флорин, 1980, с. 265].

Теперь обратимся к повести Н.В. Гоголя и рассмотрим все случаи введения им иностранных вкраплений.

«Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! *бреше, сучий москаль*. Так ли я говорил? *Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови!* (курсив Н.В. Гоголя – Л.В.) Слушайте, я вам расскажу ее сейчас» [Гоголь, 1966, с. 39].

«Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет *москаля везть*¹ (Курсив и сноска Н.В. Гоголя – Л.В.), да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку да из хаты» [Гоголь, 1966, с. 39].

Перед нами все случаи иностранных вкраплений в данной повести. Важно заметить, что все они даны в начале повествования, чтобы не отвлекать от основного сюжета, и служат, по-видимому, именно для придания особого колорита произведению. Кроме того, все вкрапления выделены курсивом, тем самым привлекая внимание читателя. Как видим, только в одном случае разъясняется смысл украинской фразы, остальные вкрапления оставлены без объяснений. Болгарские ученые отмечали, что «автор вводит их без пояснений, рассчитывая, по-видимому, на контекстуальное осмысление и подготовку читателя, или же, считая их элементами колорита, атмосферы, для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, иной раз даже мешающее, т.е. важна форма, а не вложенная в нее информация». Действительно, фраза *бреше, сучий москаль* понятна даже современному русскому читателю, а вот второе украинское вкрапление (*Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови!*), хотя и непонятно для современного россиянина (но,

¹ То есть лгать.

возможно, данное выражение могло быть понятно современнику Гоголя), создает ощущение аутентичности, указывает на эмоциональное состояние героя и, конечно же, добавляет национальный колорит. Все это читатель понимает, несмотря на то, что смысл фразы для него остается сокрытым, хотя контекст и некоторые слова в самой фразе все же намекают на ее содержание. В переводе на чешский язык данные вкрапления не сохранены. Возможно, что переводчик отказался от идеи переносить украинские вкрапления в чешский текст потому, что кириллица большей частью незнакома даже родственным славянским языкам, ведь чешский язык использует именно латиницу (к слову, в английском варианте данные вкрапления также опущены). Здесь также важно учитывать тот факт, что перевод повести Н.В. Гоголя на чешский язык выполнен профессионально, с учетом разных аспектов, и очевидно, что переводчик опустил данные вкрапления во избежание еще больших потерь, чем при сохранении украинской лексики, ведь транскрибируя данные фрагменты, переводчик привлек бы лишнее внимание чешского читателя к данным словам, что явно бы противоречило замыслу Н.В. Гоголя, так как украинские вкрапления нужны здесь исключительно для создания особой атмосферы, для привнесения национального колорита. Важно помнить, что сама повесть изобилует лексикой с национально-культурным компонентом (слова-реалии, субстандартная лексика, фразеологизмы, обращения, имена собственные и др.), чем и воспользовался переводчик для передачи национального колорита повести, поэтому опущение украинских вкраплений некритично сказалось на данном аспекте перевода.

Литература

1. N.V. Gogol. Večery na samotě u Dikaňky. nakl. Mladá fronta, 1972. 41-54.
2. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативной компоненте лексики [Электронный ресурс]. URL http://teneta.rinet.ru/rus/be/belchikov_ocultnconnot.htm
3. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны в лингвострановедческом аспекте. М.: Русский язык. 1981. с. 176.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М: Международные отношения. 1980. 343 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык. 1980. 320 с.
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. 224 с.
7. Гоголь Н.В. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Художественная литература. 1971. С. 38-56.
8. Копецкий Л.В. Чешско-русский словарь. В двух томах. М.: Государственное педагогическое издательство, 1976. 1443 с.
9. Кохан Н.А. К вопросу о перспективе динамики национально-культурного компонента. Труды 3-го Международного форума «Актуальные проблемы современной науки». Часть 37. Иностранные языки. Самара: Самарский гос. техн. ун-т. 2007. С. 34-38.
10. Хилько. Е.П. К вопросу о культурном компоненте значения лексических единиц в контексте диалога культур. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 78-84.

Громова Алла Викторовна

Аспирант, Тверской Государственный Университет. E-mail: alyona81@mail.ru

Тел.: (950)803-67-75

УДК 37.015.3

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация: В данной статье рассмотрен герменевтический подход к проблеме понимания текста при переводе. Обсуждаются два этапа понимания в процессе перевода художественного текста. Первый этап связан с процессом интерпретации глубинного смысла текста оригинала, второй этап – с передачей адекватно понятого смысла текста языка оригинала на другом языке.

Ключевые слова: герменевтика; познание; понимание; рефлексия; перевод.

Abstract: This article considers hermeneutic approach to understanding problem of text translation. There are discussed two stages of understanding in the process of text translation. The first stage is connected to the process of understanding as interpreting the message of the original text. The second stage goes with the direct linguistic translation .

Keywords: hermeneutics; knowledge; understanding; reflexivity; translation.

Человеку дана способность овладевать иностранными языками, а кроме того, рефлексивно относиться к своему собственному языку — говорить о нем, смотреть на него как бы со стороны, трактовать его как один из многих, а не единственно возможный, — все это обеспечивает и возможность перевода. Адекватный перевод помогает нам знакомиться с иной культурой, осуществлять ее изучение и понимание [Алексеев М. А., 2016, с. 2] . Другими словами, благодаря переводу, мы совершаем межкультурный диалог. Человек, осуществляющий перевод, производит своего рода межкультурный обмен, благодаря чему мы знакомимся с шедеврами мировой литературы и искусства, нам становятся доступны научные достижения представителей иных культур.

Какое отношение к переводу имеет герменевтика?

Известный французский философ, один из ведущих представителей философской герменевтики, Поль Рикер сказал: «Понимать — это и значит переводить». Перевод невозможен без понимания и интерпретации текста — это первый шаг при выполнении любого вида перевода, включая литературный. Осуществляя перевод, мы начинаем свою деятельность с анализа, восприятия и понимания текста оригинала, который подвергается процессу перевода.

Чтение текста является основным, первичным и наиболее очевидным источником того особого опыта понимания, который стал предметом герменевтических учений. При исследовании философской герменевтики как философской традиции и как методологии гуманитарного знания представляется важным анализ того, что подразумевается в ней под «текстом». Основным определением текста является возможность его включения в деятельность читателя через продуктивную интерпретацию; для этого текст должен быть прочитываем. Текст – это то, что может быть прочитано и интерпретировано.

Понимание текста сопряжено с интерпретацией. Слово «интерпретация» применимо по отношению к пониманию, направленному на постижение смысла, зафиксированного в письменной форме. Овладение смыслами, заключенными в тексте, посредством чтения позволяет реципиенту преодолевать культурно-временную дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, и тем самым включать смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель. Необходимо учитывать намерения автора, создавшего текст, а также его культурную среду. Кроме того, нужно осознавать, что повествователь и

автор текста не всегда одно и то же лицо. Иногда рассказчик — реальный человек, а иногда вымышленный персонаж. Следует определить его намерения и культурную принадлежность. Так же нужно учитывать место действия по сюжету, жанр (будь то поэзия, рассказ, предсказание и т. д.), стилистические приемы, сам сюжет.

Учитывая вышесказанное, мы осознаем, что для понимания и интерпретации смысла ключевыми являются три аспекта: автор, текст и читатель.

Второй этап понимания в процессе перевода - передача адекватно понятого смысла текста языка оригинала на другой язык. [Гарбовский Н. К., 2004, с. 9]

Однако человек при переводе может понимать один и тот же текст по-разному и как определить, чье понимание более адекватное? Герменевтический подход дает возможность обучения рефлексии, которая позволяет каждому переводчику построить только свой смысл и приблизить читателя к его пониманию. [Богин Г. И., 1998, с. 1] При активном герменевтическом понимании «человек смотрит на себя, смотрящего на мир» [Щедровицкий Г.П., 1992, с.21]. Процесс понимания непосредственно связан с имеющимися знаниями в разных сферах, то есть с фоновыми знаниями. В процессе рецепции художественного текста происходит активация, прежде всего, экстралингвистических знаний, что способствует глубинному пониманию текста. Герменевтический подход к пониманию предполагает полное и глубокое проникновение в текст, что связано с привлечением объективного исторического материала, информации о личности автора оригинала как носителя культуры определенной эпохи, а также с логическим анализом и теоретическим осмыслением текста. Осмысление текста и понимание имеют место только в контексте всей деятельности и обусловлены целями, которые преследует человек. Результатом процесса понимания является постижение смысла. Таким образом, смысл и осмысление приобретают социокультурный статус.

При переводе следует учитывать, что смысл никогда не носит полностью ясный и осязаемый характер, и поэтому перевод только смысла будет приблизительным и неточным. Перевод будет удачен тогда, когда переданный смысл производит такое же впечатление на реципиентов перевода, какое оригинал производит на «свою» аудиторию. Другими словами, перевод включает «декодирование» оригинального суждения и «кодирование» его на язык перевода. Эти процессы выполняются переводчиком одновременно, т.е. перевод является и процессом и продуктом понимания текста. «Переведенное предложение, если, конечно, маститый переводчик не преобразил его так, что мы перестаем замечать стоящее за ним живое предложение оригинала — всего лишь карта в сравнении с ландшафтом» [Алоян Н.Л., 1999, с. 48].

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что герменевтика помогает увидеть глубинный смысл текста оригинала и передать его в переводе. Перевод дает при этом интерпретацию смысла текста оригинала, и то, насколько верна и близка автору эта интерпретация, делает перевод правильным. Таким образом, перевод — это своего рода передача адекватно понятого смысла текста языка оригинала на другой язык. Это делает герменевтический подход одним из самых важных при работе над переводом. При этом становится очевидным тот факт, что правильный перевод играет существенную роль в формировании и развитии культур, поскольку велико значение перевода в постоянном межкультурном взаимодействии.

Литература

Учебник

Гарбовский Н. К. Теория перевода: М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.

Учебно-методическое пособие

Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг:— М.: Юнити — Дана, 2006. — 233 с.

Статья из журнала

Закирова А. Ф. Теоретические основы педагогической герменевтики. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. — 152 с.

Диссертация

Богин Г. И. Интерпретация как средство выведения к более современному пониманию // Hermeneutics in Russia. Volume 1, 1998. — С.1–8.

Статья из журнала

Алексеев М. А. Роль герменевтического подхода при переводе художественного текста // Молодой ученый. — 2016. — №7. — С. 1067-1069.

Диссертация

Алоян Н.Л. Герменевтический аспект обучения в контексте философии культуры: диссертация кандидата философских наук / СКНЦ ВШ. Ростов-н/Д., 1999. — 117 с.

Интернет-источник

<http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1992/1-2/v921red0>

Интернет-источник

<http://hermeneutik.kemsu.ru/Content/documents/>

Интернет-источник

[file:///C:/Users/User/Downloads/germenevticheskiy-podhod-k-ponimaniyu-uchebnogo-perevoda%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/germenevticheskiy-podhod-k-ponimaniyu-uchebnogo-perevoda%20(3).pdf)

Никифорова Александра Ильинична
студент 4 курса, каф. Общего языкознания, Филологический Факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет
E-mail: woefrommind@yandex.ru

УДК 81

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ МЕСТОИМЕНИЙ.

Основной идеей исследования было выявить некоторые факторы, влияющие на референцию (далее — Р) и референциальный выбор (далее — РВ) в процессе порождения речи на русском языке. В этой области лингвистики имеется уже достаточное количество работ, и эта сфера в наши дни бурно развивается. Но, всё же, вопросы остаются, в особенности, по русскому материалу, так как, естественно, большинство выводов было сделано и предположений высказано с опорой на материал английского языка, с которым русский по некоторым параметрам существенно различается. И именно эти отличия, как мы предполагаем, могут достаточно сильно повлиять на то, совпадут ли наши наблюдения с выводами предшественников. Среди исследователей механизмов Р и РВ в традициях русскоязычной лингвистики можно без сомнения назвать Е.В.Падучеву, А.А.Кибрика, О.В.Фёдорову. Опорой для нашего эксперимента стала статья [13], в которой лингвисты на материале английского языка попытались выяснить влияние семантики глагола на РВ, а также определить степень влияния синтаксической и информационной структуры предложения на выбор референциального средства (далее - РС).

Наша работа будет разбиваться на два основных блока: относительно Р и касательно РВ. Вслед за А.А.Кибриком мы будем понимать Р как решение говорящего в ситуации с несколькими потенциальными референтами, про кого из них продолжать, а РВ, напротив, будем считать процесс выбора говорящим референциального выражения для уже определённого референта [15]: полной именной группы или редуцированного референциального средства (далее РРС)

Вследствие этой дихотомии возникает и различие в природе детерминации. Так, на Р как процесс, преимущественно определённый объёмом рабочей памяти говорящего, может влиять семантика предиката, грамматическая и информационная структура предложения (более всего ожидаемы продолжения про субъект и тему/топик). Здесь, однако, необходимо заметить, что эти предположения были высказаны по большей части относительно языков с фиксированным порядком слов типа английского, где синтаксическая роль и роль в коммуникативной структуре совпадают. В русском языке как в конечноударном языке со свободным порядком слов изменение базового SVO-порядка может использоваться для неконтрастивной фокусировки [21]. Вследствие этого отличия в нашей работе мы будем рассматривать эти два фактора по-отдельности.

РВ же, который, согласно сходному мнению многих исследователей в большей степени связан со статусом референта в момент коммуникации в когнитивной системе говорящего, больше зависит от степени доступности референта в системе коммуникации [1, 12, 11, 2, 3]. Иными словами – чем доступнее референт, тем вероятнее использование РРС [10]. Существуют различные точки зрения на то, что обуславливает эту доступность: есть мнение, что прономинализация и эллипсис возникают в случае нахождения референта в фокусе внимания говорящего [18], другие лингвисты объясняют появление местоимений высокой активацией референта [4, 15]. Когнитивные лингвисты выделяют несколько факторов, влияющих на активацию референта. В их число входит расстояние в клаузах между анафором и антецедентом [10], расстояние до антецедента в абзацах или эпизодах [17], влияние риторической структуры и, в частности, риторического расстояния до

антецедента [6, 14], эффект рода (при наличии референциального конфликта по роду количество РРС существенно сокращается) [25], а также эффект второго персонажа [25, 23]. Причём, стоит отметить, что эти факторы не носят взаимоисключающий характер (в этом смысле предложенный А.А.Кибриком «многофакторный подход», учитывающий все возможные параметры, представляется наиболее адекватным).

В контексте нашего исследования наибольший интерес вызывают те гипотезы, которые опираются на роль потенциального референта в структуре предложения. Так, существует мнение, что при выборе референциального выражения говорящий скорее предпочтёт местоимение в случае с референтом-подлежащим, так как синтаксическая роль субъекта делает референт более активным [5]. Некоторые лингвисты считают наиболее важным фактор первого упоминания: чем раньше элемент возник в дискурсе, тем лучше он доступен для прономинализации [9]. Иная точка зрения состоит в том, что местоимение более вероятно в том случае, когда референциальное выражение имеет ту же грамматическую роль, что и референт [27, 26].

Стоит подчеркнуть, что соотношение вышеупомянутых факторов также ещё точно не установлено, т. к. РВ, будучи «вторым по порядку» решением после Р, сильно зависит от факторов, влияющих на выбор самого референта. К примеру, Стивенсон с коллегами [28] на материале английского языка показали, что фактор тематической роли активизирует референт ещё до возникновения референциального выражения (т. е. в большей степени влияет на Р), в то время как фактор грамматической роли возникает уже при выборе референциального выражения. Также в этой работе были использованы глаголы с так называемой имплицитной каузальностью (далее — ICv), которые стали известны после первого упоминания о них исследователями [8]. Характерной чертой таких глаголов является смещение активации в сторону референта-каузатора в силу их семантики. Bold и Solstad [24] в своём исследовании показали, что класс ICv как предикатов, оказывающих существенное влияние на дискурс своей семантикой, имеет смысл выделять даже в языках с различными структурными особенностями. Кроме того, в работе [7] при доказанном влиянии грамматической роли референта на выбор референциального выражения явно показано отсутствие влияния семантической составляющей таких глаголов (т. е. не имеет значения, кто каузатор: субъект или объект).

Первая задача нашего исследования заключалась в том, чтобы выяснить, какие факторы влияют на Р в русском языке и имеет ли место их сочетаемость. Для проверки семантического фактора было отобрано 14 глаголов с имплицитной каузальностью, смещающих активацию в сторону раздражителя-субъекта (радовать, возмущать, восхищать) и 14 глаголов, не обладающих этой характеристикой. Вариации информационной структуры были достигнуты путём изменения порядка слов на OVS. Вторым фокусом работы являлись закономерности выбора референциального выражения относительно выбора референта.

Эксперимент был проведён на выборке из 66 испытуемых по методике story-continuation task без заранее определённой структуры ответа. Стимулами являлись 28 простых предложений вне контекста с базовым/неканоническим порядком слов (SVO/OVS) с двумя одушевлёнными разнополыми потенциальными референтами. Из 1848 ответов было выбрано 954 значимых для поставленных задач: предложения про одного из референтов с употреблением именной группы, личного местоимения или эллипсиса.

Анализ показал, что семантика глагола оказывается значительно сильнее коммуникативных и синтаксических факторов (IC-глаголы существенно активировали субъект) ($\chi^2=86,739$, $p<0,001$). В стимулах SVO с обычными глаголами наблюдается статистически достоверное предпочтение дополнения в качестве референта (биномиальный тест: $p<0,001$), следовательно, синтаксическая структура оказывается значима, влияние же информационной нуждается в дополнительной проверке. Незначимое различие в референции к субъекту/объекту в этом случае можно объяснить с несколько более экстралингвистической позиции относительно фокуса внимания, т. к. в русском языке

обратный порядок слов без контекста воспринимается неестественно [20], и в нашем случае возможна конкуренция между восприятием топикализованного дополнения как контрастного начала и тенденцией приоритета подлежащего.

Также по результатам эксперимента не было обнаружено практически никаких статистически значимых различий в ответах, позволивших бы говорить о влиянии того или иного фактора на референциальный выбор. Во всех случаях наблюдается примерно 75% предпочтение РРС именной группе, что закономерно при отсутствии референциальных конфликтов и может быть объяснено стремлением говорящих к экономии языковых средств и минимизации усилий. Тенденция же к предпочтению РРС в случаях с референтом-субъектом доказывает синтаксический фактор приоритета подлежащего. Значимое увеличение «нулей» при Р к субъекту только у обычных глаголов в SVO показывает, что из-за возможности эллипсиса в русском языке эффект, отмеченный для английского в целом как предпочтение РС при субъекте [13], проявляется по-особенному: как предпочтение нулевой референции в этом случае. Таким образом мы можем выстроить более подробную грамматически оправданную иерархию РС для русского языка в зависимости от степени активации референта: NP–P–0, что полностью согласуется с моделями Givon [10].

Таким образом, в результате исследования было однозначно обнаружено влияние некоторых из проверяемых факторов на Р и выбор анафорического средства в процессе порождения речи на русском языке, а именно: грамматической роли антецедента и семантики глагола.

Итак, выявленные факторы, оказывающие влияние на то, как происходит выбор одного из двух референтов для продолжения повествования при равных условиях:

1. В первую очередь, тип глагола (а именно — его семантика) оказывается существенным при осуществлении Р. Таким образом подтвердились данные, полученные на других языках [7, 13, 28], что выбор референта зависит от семантических характеристик предиката.

2. Во-вторых, было выявлено, что синтаксическая роль влияет на предпочтение референта и, как подтвердилось ожидание, в «нейтральных» случаях с базовым порядком слов в качестве референта для продолжения обнаружилось статистически значимое преимущество дополнений, в то время как при обратном порядке слов это явление остаётся на уровне тенденции, не выходя на статистическую значимость.

3. Насчёт влияния информационной структуры на Р ничего точно утверждать невозможно, поскольку распределение по референтам в зависимости от критерия порядка слов оказывается практически равным.

Относительно выбора говорящим референциального средства, можно сказать, что:

1. В нашем эксперименте было выявлено, в частности, что на выбор анафорического средства не обнаружилось влияния семантики глагола. Это подтверждает для русского языка результаты, полученные в предыдущих экспериментах на английском материале [7, 13]. Так как в качестве критерия разделения двух групп глаголов была принята семантика имплицитной каузальности с субъектом-раздражителем, то ожидалось, что при этих глаголах про субъект окажется больше местоимённых продолжений, а про объект — именных групп, нежели в другой группе глаголов, однако в обеих группах доля РРС в соотношении с долей употребления полных именных групп значительно превышала и подчинялась скорее закономерности, описанной в следующем пункте.

2. По результатам эксперимента было обнаружено и статистически доказано, что роль антецедента в грамматической структуре в значительной степени влияет на тип выбранного РС. Более того, гипотеза, высказанная у Rhode и Kehler [13] о предпочтении подлежащего для прономинализации подтвердилась и даже усовершенствовалась, так как в ещё большей степени мы наблюдаем влияние связности синтаксической роли подлежащего с предпочитаемым в качестве референциального средства эллипсисом, который является ещё более редуцированным и ограниченным в применении средством, нежели местоимение.

3. Относительно влияния роли референта в информационной структуре предложения на РВ по результатам анализа невозможно сделать никаких однозначных выводов, но мы можем сказать, по крайней мере, следующее: в рамках данного эксперимента предпочтение темы для прономинализации проверить не удалось в силу ряда причин, однако тенденция к этому, безусловно, наблюдается, и необходимо продолжать исследования в этом направлении.

В качестве перспектив дальнейшей работы можно выделить две сферы: анализ уже полученного и обработанного материала и другие исследования в рамках выбранной проблематики, на идею которых натолкнуло проведённое исследование.

Относительно первой части стоит отметить, что было бы очень интересно проанализировать влияние всех проверяемых в данной работе факторов на РВ в случаях, когда в ответах испытуемых фигурируют сразу два референта по-отдельности, а также на их позицию и роль в грамматической и информационной структуре ответа, т.к. при обнаружении каких-либо закономерностей здесь уже будет возможность говорить о некоем взаимодействии и «иерархии силы влияния» различных по своей природе факторов активации.

В этом контексте представляется любопытным также посмотреть, каково влияние синтаксической и информационной роли референта в структуре самого предложения-ответа на выбор РС для него, т.к. многие лингвисты, в том числе и Е.В.Падучева [19], отмечают, что, по крайней мере, русский язык в некоторых случаях накладывает ограничения на использование местоимений третьего лица, особенно если рассматривать связный текст, что, собственно, и требовалось от испытуемых — продолжить историю, начатую или продолжаемую стимульным предложением.

Более того, т.к. в нашем эксперименте обнаружилось, что, очевидно, при данном дизайне эксперимента мы не можем однозначно проверить влияние информационной структуры как отдельного фактора: в русском языке обратный порядок слов в нулевом контексте вызывает у испытуемого «ступор», обусловленный восприятием их как неестественных в начале текста. Следовательно, нужна проверка влияния тематической структуры в некотором чётко заданном контексте. Поэтому есть смысл провести аналогичный эксперимент на установление влияния роли антецедента в информационной структуре предложения на Р и РВ, добавив перед каждым стимулом ещё предложение(/я), с помощью которого можно будет максимально точно, насколько это возможно, определить темо-рематическую структуру стимульного предложения.

Кроме того, если рассматривать перспективы дальнейших исследований, то было бы также небезынтересно проследить при сохранении прочих равных: разницы по роду (муж/жен) и т.д., влияет ли одушевлённость референта на Р и выбор анафорического средства, поскольку в русском языке местоимения третьего лица единственного числа не имеют противопоставления по одушевлённости и могут быть использованы как в случае с предметами, имеющими мужской или женский грамматический род, так и в случае с людьми.

Ещё одним перспективным направлением работы относительно конкретизации и уточнения полученных результатов, также имеющим потенциал обнаружить в собранном материале основания для некоторых новых наблюдений, может являться более детальный анализ каждого стимула, а, если точнее, каждого глагола по семантическим ролям и их реализации, а также по рангам актантов. Потому что семантическая роль (агенса, пациенс и т.д.) входит в толкование глагола (как определяет Ю.Д.Апресян [30, 120], роль — это просто часть толкования), а коммуникативный ранг участника (субъект, объект и т.д.), определяемый синтаксической позицией его экспонента (а точнее коммуникативной значимостью), характеризует участника с прагматической точки зрения — по отношению к фокусу внимания говорящего [29]: то есть в некотором смысле предписывает «порядок следования участников в иерархии актантов», что как раз и важно в свете интересующих нас

проблем Р и РВ и позволяет разграничить влияние чистой семантики глагола в виде семантических ролей и «коммуникативную необходимость». В этом смысле собранные и обработанные данные могут быть проинтерпретированы в совершенно ином ключе и, возможно, натолкнуть исследователей на некоторые новые мысли в этой области.

1. Ariel, M. *Accessing noun phrase antecedents* // Routledge. London and New-York, 1990.
2. Arnold, J. E. *How speakers refer: the role of accessibility.*//*Language and Linguistic Compass* 4. 2010. С.187-203.
3. Arnold, J. E. *The effects of thematic roles on pronoun use and frequency of reference.* // *Discourse Processes* 31. 2001. С.137-162.
4. Chafe, W. *Discourse, consciousness, and time.* // *The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing.* Chicago, 1994.
5. Crawley, R.A., R.J. Stevenson, and D. Kleinman *The use of heuristic strategies in the interpretation of pronouns.* // *Journal of Psycholinguistic Research* 19 (4). 1990. С.245–264.
6. Fox, B. *Discourse structure and anaphora in written and conversational English.* // Cambridge University Press. Cambridge, 1987.
7. Fukumura, K., and P. G. van Gompel. *Choosing anaphoric expressions: Do people take into account likelihood of reference?* // *Journal of Memory and Language* 62. 2010. С.52-66.
8. Garvey, C., and A. Caramazza. *Implicit causality in verbs.*//*Linguistic Inquiry*5. 1974. С.459-464.
9. Gernsbacher, M. A., and D. J. Hargreaves. *Accessing sentence participants: The advantage of First mention.* // *Journal of Memory and Language*27. 1988. С.699-717.
10. Givon, T. *Topic continuity in discourse: An introduction.* /T. Givon // *In Topic continuity in discourse: A quantitative, cross-language study.* John Benjamins. Amsterdam, 1983. С.1-42.
11. Grosz, B. J., A. K. Joshi, and S. Weinstein. *Centering: A framework for modeling the local coherence of discourse.* // *Computational Linguistics* 21. 1995. С.203-225.
12. Gundel, J. K., N. Hedberg, and R. Zacharski. *Cognitive status and the form of referring expressions in discourse.* // *Language* 69(2). 1993. С.274-307.
13. Rohde H., Kehler A., *Grammatical and Information-Structural Influences on Pronoun Production.* // *Language and Cognitive Processes* Vol.28. 2014
14. Kibrik, A.A. *Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account.* / B. Fox // *Studies in anaphora.* Benjamins. Amsterdam, 1996. С.255–304.
15. Kibrik, A.A. *Reference in discourse.* // Oxford University Press. Oxford, 2011.
16. Lambrecht, K. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents.* // Cambridge University Press. Cambridge, 1994.
17. Tomlin, R.S. *Linguistic reflections of cognitive events.* / R. Tomlin // *Coherence and grounding in discourse.* Benjamins. Amsterdam,1987. С.455–479.
18. Tomlin, R.S. *Focal attention, voice and word order: An experimental crosslinguistic study.* / P. Downing and M. Noonan // *Word order in discourse.* Benjamins. Amsterdam, 1995. С.517–554.
19. Падучева, Е.В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью.* // М, 1985. С.1-19, 107-136, 150-158,
20. Слюсарь, Н.А. *Экспериментальное исследование восприятия русских предложений с различным порядком слов в зависимости от контекста* // *Вторая международная конференция по когнитивной науке. Филологический фак-т СПбГУ, том 2. 9-13 июня 2006.* С.433-434.
21. Слюсарь, Н.А. *Особенности коммуникативного членения предложения в зависимости от типологических характеристик разных языков / Скребцова Т.Г. // Материалы XXXV международной филологической конференции (15-20 марта 2006 г.). Вып. 21. Секция математической лингвистики. Ч.2. СПб., 2006. С. 16-25.*

22. Федорова, О.В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика. // Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. МГУ. Москва, 2013. С. 303-576
23. Федорова, О.В., и А.М. Успенская Экспериментальный анализ дискурса: референциальный выбор в ситуации потенциального референциального конфликта (экспериментальное исследование на материале русского языка). / А.Е. Кибрик и др. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог 2011. Издательство РГГУ. М., 2011. С.207-218
24. Bott O., Solstad T., From verbs to discourse - a novel account of implicit causality. / Barbara Hemforth, Barbara Schmiedtova, Cathrine Fabricius-Hansen // Meaning and Understanding across Languages, Studies in theoretical psycholinguistics. Springer. 2014
25. Arnold, J.E., Griffin Z.M. The effect of additional characters on choice of referring expression: Everyone counts. // Journal of Memory and Language 56(4), 2007 p.521–536.
26. Chambers G. C., and Smyth R. Structural parallelism and discourse coherence: A test of centering theory. // Journal of Memory and Language 39. 1998 pp.593-608.
27. Smyth, R. 'Grammatical determinants of ambiguous pronoun resolution'. Journal of Psycholinguistic Research 1994, 23 : pp. 197–229.
28. Stevenson R. J., Crawley R. A., Kleinman D. Thematic roles, focus and the representation of events. // Language and Cognitive Processes, 9, 1994. pp. 519–548.
29. Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики. // Семиотика и информатика, вып.36. М.: Русские словари, 1998, С.86-93
30. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. / Избранные труды. Т. I// М., 1995. С.265
о218218218.конференции Диалог 2011. Издательство РГГУ. М., 2011. С.207–218.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей II Международной научной конференции «Человекознание»

ISSN 2500-1159

Журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат»

Кемерово 2016